38. МУСУЛЬМАНСКІЙ ПРОРОКЪ И УЧЕНИКЪ.

Въ Бохарѣ, которую мусульмане называютъ по своему исполатною, въ числѣ многихъ богатыхъ мечетей — т. е. молитвенныхъ зданій — стояла въ глухомъ мѣстѣ темная, невидная мечеть, маленькая и притомъ битая изъ земли. Народъ изстари говорилъ, что кто въ этой мечети будетъ молиться безъ отдыху и перемежки сорокъ дней и сорокъ ночей, безъ питья и пищи, тому явится одинъ изъ пророковъ, въ котораго мусульмане вѣруютъ; но онъ явится, будтобы, въ такомъ видѣ, что его никто не можетъ узнать. Въ одномъ медресѣ бохарскомъ, какъ по ихнему называютъ законоучилище, былъ ученикъ Факиръ Мамбетъ; все имущество его состояло изъ корана, т. е. книги закона, изъ цыновки, на которой онъ спалъ, и мѣднаго кургана, для предписанныхъ мусульманскимъ закономъ омовеній; все

время дня и ночи проводилъ онъ въ молитвахъ и чтеніи корана, едва только позволяя себѣ наѣдаться черствой лепешкой вполсыта и соснуть ночью часа два или три. Вотъ Факиръ Мамбетъ и подумалъ: 40 дней и ночей поста и молитвы, для меня, человѣка къ этому привычнаго, трудъ небольшой, это я могу одолѣть, ни по чемъ; а кому-же коли не мнѣ, въ награду за строгую жизнь мою и усердіе къ вѣрѣ, кому-же болѣе можно надѣяться увидать пророка?

Вотъ Факиръ Мамбетъ отправился въ темную и низенькую мечеть, которая болѣе походила на землянку, чѣмъ на храмъ, и высидѣлъ тамъ на одномъ мѣстѣ 40 дней и 40 ночей въ постѣ и молитвѣ. Пришла послѣдняя ночь, и Мамбета сталъ однако-же одолѣвать сонъ, такъ, что онъ сидя покачивался и немного дремалъ. Въ грезахъ Мамбетъ видѣлъ пророка, который сказалъ ему: уторомъ ты увидишь меня на яву; можешь узнать меня по тому, что я выйду изъ мечети послѣднимъ.

Съ восходомъ солнца, едва только азанчи прокричалъ зовъ на молитву, Факиръ Мамбетъ сидѣлъ уже, подостлавъ свою цыновку, у входа мечети, на земляномъ крылечкѣ, гдѣ обыкновенно садятся нищіе: тутъ онъ хотѣлъ выждать конца службы и подстеречь послѣдняго, кто выйдетъ изъ мечети. Кончилась служба и народъ сталъ выходить. Факиръ смотѣлъ во всѣ глаза, чтобы не прозѣвать пророка, и уже нѣсколько разъ думалъ: вотъ это онъ — вотъ это онъ, — когда кучка народа проходила и казалось, что болѣе нѣтъ никого; но послѣ небольшой разстановки опять показывалось нѣсколько запоздалыхъ молельщиковъ, и Мамбетъ опять приглядывался къ нимъ, чтобы не прозѣвать послѣдняго. Вотъ еще вышли трое, а въ мечети слышны шаги, стало быть и это не послѣдніе; одинъ изъ нихъ, скудно одѣтый старичокъ, опираясь на клюку свою, подошелъ къ факиру и сталъ его кой–о чемъ распрашивать; но Мамбетъ не хотѣлъ сказать ему, кого онъ тутъ дожидается, немножко досадовалъ, что

тотъ не кстати разговорился, а самъ все смотрѣлъ въ темную, открытую дверь мечети, ожидая появленія пророка.

Старичокъ между тѣмъ разговаривалъ и припоминалъ старину: онъ помнилъ, какъ еще на мѣстѣ Бохары, гдѣ теперь одинъ песокъ да глина, стояли дремучіе лѣса, а въ нихъ бродили слоны и рыкали львы; потомъ онъ сказалъ: я знаю, факиръ Мамбетъ, чего ты дожидаешься — но сегодня не дождешься, приходи завтра. Мамбетъ всталъ, заглянулъ въ мечеть, увидалъ что въ ней давно уже было пусто и опечаленный неудачей пошелъ домой.

Явившись къ учителю своему, извѣстному муллѣ, онъ признался ему гдѣ былъ 40 сутокъ, разсказалъ все, что съ нимъ было и просилъ совѣта.

Дуракъ ты круглый, сказалъ ему учитель — да кто-же былъ старичокъ этотъ, коли не самъ пророкъ нашъ! Кто-же можетъ знать и помнить то, что было на этомъ мѣстѣ за тысячу лѣтъ, коли не пророкъ!

Теперь только факиръ Мамбетъ самъ подивился оплошности своей и понялъ, что ему осталось только молчать и постыдиться за свою самонадѣянность, за которую онъ былъ наказанъ.